

ОБРАЗ Т.Н. ГРАНОВСКОГО В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.

На основе анализа взглядов двух крупнейших представителей русского историзма XIX–XX вв. Б.Н. Чичерина и В.И. Герье на творчество Т.Н. Грановского освещается вопрос о вкладе историка в развитие русской исторической науки, подчеркиваются некоторые характерные черты историко-теоретических взглядов ученого, без учета которых невозможно понять сущность и значение деятельности Т.Н. Грановского.

Ключевые слова: философия; историческая наука; естествознание; идеализм; религия; этика; историзм.

В историографической литературе начала XXI в. в рамках оживления интереса к творчеству Тимофея Николаевича Грановского в связи с юбилейными датами (в 2005 г. исполнилось 150 лет со дня смерти историка, в прошедшем 2013 г. отмечалось 200-летие со дня его рождения) наряду с признанием его заслуг перед отечественной исторической наукой прослеживается воспроизведение старой дилеммы: Грановский – самостоятельный мыслитель, ученый или талантливый педагог, просветитель, популяризатор уже сформулированных и высказанных ранее другими мыслителями идей [1, 2]. Эта дилемма, сложившаяся едва ли не сразу же после смерти Грановского, опиралась на проявившееся еще при жизни историка неоднозначное отношение к его творчеству и общественной деятельности.

Поэтому, несмотря на значительное количество публикаций, посвященных исследованию творчества Т.Н. Грановского, нельзя не согласиться с мыслью Б.Н. Чичерина о том, что «даже при самом искреннем желании отдать ему должную справедливость многое в нем остается непонятным...» [3. С. 2] и что эта мысль остается актуальной и спустя более ста лет с момента ее высказывания. Эта непонятность, обозначившаяся уже в XIX столетии, проявляется не только в противоречивых оценках научного вклада Грановского, в факте признания или непризнания его самостоятельным ученым или же только просветителем и талантливым популяризатором европейской исторической науки, а также и в оценке его историко-теоретических воззрений. И дело не в том, что противоречивой, мятущейся была личность историка. Напротив, все пишущие о нем отмечают гармоничность, уравновешенность его натуры. Дело, очевидно, в самих исследователях, в том, с какими целями и задачами они приступают к изучению творчества Грановского.

Исследователи досоветского, советского и постсоветского времени практически единодушны в том, что представители разных научных направлений и общественно-политических лагерей старались доказать свою связь и преемственность с его идеями, «вычитывая» в его текстах и поступках то, что резонировало с их собственными представлениями об исторической науке, политическом развитии России, о роли и месте России в мире. Так, например, либералы видели в нем предтечу либерализма, демократически настроенные исследователи, а затем и советские историки подчеркивали в творчестве Грановского демократические, материалистические тенденции что нашло выражение в сформировавшейся устойчивой, сохранившейся до

настоящего времени традиции видеть в творчестве Грановского конца 40-х – начала 50-х гг. XIX в. «поворот» к позитивизму» [4–6]. Причем эти характеристики высказывались в то время, когда системного исследования творчества Т.Н. Грановского не было осуществлено, как нет и поныне, несмотря на ряд серьезных работ об отдельных сторонах его творчества. К тому же осмысление «его вклада в теорию исторического процесса» является «едва ли не маргинальной» линией в изучении творчества Т.Н. Грановского [7. С. 35].

В этой связи, думается, стоит присмотреться еще к одному варианту интерпретации творческого и жизненного пути историка, который пока еще не являлся предметом исследовательского интереса, что и позволит посмотреть на его творчество под отличающимся от обозначенных выше подходов углом зрения.

Содержанием этих интерпретаций, предпринятых уже во второй половине XIX в. и в начале XX в., был анализ творчества Грановского, в котором идеализм историка и его интерес к жизни духа в истории народов и личности рассматривались не как нечто, что с необходимостью должно быть преодолено и преодолевалось в ходе прогрессивной эволюции взглядов историка к материалистическому мировоззрению, но как самостоятельная сознательная позиция, сложившаяся в процессе освоения им философии и истории, позиция, которую он отстаивал в том числе и в полемике с друзьями, не разделявшими его взглядов. К тому же в ходе этого анализа решалась и другая задача – «опровергнуть ложные суждения прежде, чем они могли установиться» [8. С. 425]. Этот анализ содержится в работах учеников Грановского, считавших себя продолжателями традиций, заложенных учителем в науке и общественной деятельности. Речь будет идти прежде всего о Владимире Ивановиче Герье (1837–1919) и Борисе Николаевиче Чичерине (1828–1904), выдающихся представителях русского идеалистического историзма. Выводы, к которым эти исследователи приходят в своих оценках творчества Грановского, могут внести существенный вклад в продолжающийся «спор о Грановском».

При этом надо отметить, что каждый из них имел собственную историю общения с Грановским. Если В.И. Герье едва успел застать профессора на кафедре Московского университета, прослушав лишь несколько лекций, на основании чего современники скептически оценивали его заявления об ученичестве, то Б.Н. Чичерин, в поступлении которого в университет Грановский принимал самое деятельное участие (он давал частные уроки будущему студенту), – признанный и один из

самых талантливых, по словам самого Грановского, его учеников, находился в длительных дружеских отношениях с ним. И Чичерин, и Герье посвятили свои первые значительные научные труды памяти учителя [9]. Проблема «Грановский как ученый и педагог» в зависимости от того, как решают ее историки, неизбежно ставит и другую проблему: «Кого и чему он научил?», и будучи решенной в отрицательном смысле, вызывает вопросы уже о времени зарождения исторической науки в России, ее статусе, профессионализме историков первой половины XIX столетия и, наконец, вопрос о формировании традиций в русской исторической науке. Неслучайно по этому поводу в историографической литературе обозначилась полемика

Обращение названных ученых к творчеству Грановского не исчерпывается юбилеями историка, но проходит как некая константа собственного жизненного пути каждого из них и их творчества. Чичерин, по признанию исследователей его творчества, вдохновлялся образом Грановского всю жизнь. Так, издавая свое главное философское произведение «Наука и религия» (1879), он находит нужным сделать посвящение А.В. Станкевичу, другу и автору биографии Грановского, изданной в 1869 г., «во имя дорогих нам воспоминаний», таким образом, хотя бы и косвенно, но в очередной раз, отдавая дань памяти учителю. Герье откликается на эту биографию обстоятельной рецензией в том же 1869 г., где, помимо высокой оценки этого произведения, намечает контуры создания собственной биографии Грановского, что было реализовано ученым в 1914 г.

Анализируя творчество Грановского, оба исследователя опирались на собственные впечатления (метод включенного наблюдения), анализ текстов Грановского (диссертации историка, опубликованные к тому времени курсы его лекций, переписка, историографические работы) и на историографические исследования о нем, с авторами которых они то солидаризировались, то (и чаще) полемизировали. Таким образом, начинает оформляться академическая традиция в осмыслении творчества Грановского.

Работая в разных жанрах (Герье создает интеллектуальную биографию Грановского, Чичерин пишет статью о философско-исторических воззрениях Грановского, говорит о нем в мемуарах), они, по существу, едины в стремлении, выражаясь словами Чичерина, «восстановить истинное его значение... как мыслителя и научного деятеля» [3. С. 2]. Обращает на себя внимание определенный параллелизм в оценках и выводах, к которым приходят эти исследователи, что не отменяет ни самостоятельности, ни своеобразия исследовательской манеры каждого из них. Философский очерк Чичерина и историческое исследование Герье, дополняя друг друга, способствуют возникновению целостного образа ученого, педагога и общественного деятеля в глазах читателя.

Стоит подчеркнуть, что важным условием «восстановления» истинного значения Грановского является, по мнению и Чичерина, и Герье, необходимость обращения к социокультурному контексту как своего времени, так и времени, в которое жил и творил Грановский. Для понимания же эпохи 40-х гг. XIX в. важным

является обладание философским образованием, которого у многих из тех, кто говорил и писал о Грановском в конце века, учитывая упадок философии в России в это время, не было. Это обстоятельство подмечает Б.Н. Чичерин, откликаясь на работу Ветринского о Грановском, и видит в нем главный недостаток его работы – автор не проявил философского образования, а без него «нет возможности правильно оценить ту умственную атмосферу, из которой вышел Грановский и которая наложила печать на всю его деятельность» [Там же. С. 3].

Убеждение в тесной связи между философией и историей было характерно для 40-х гг. XIX в.: «Гегель кружил всем голову», – вспоминал С.М. Соловьев [10. С. 268], и Грановский, как он признавался в письме к другу, чувствовал «необходимость философии». Как отмечает Чичерин, именно «...серьезное изучение философии дало ему ту ширину мысли, ту возвышенность взглядов, без которых нет истинного понимания истории... Только человек, продолжает он, получивший серьезное философское образование, способен оценить идеи, руководящие историческим развитием человечества, постигнуть их преемственность и связь, а равно их значение для общественной жизни. Самое понятие о развитии только при этом свете получает свой истинный смысл. История перестает быть случайной игрой событий или фаталистическим произведением механических сил; она становится раскрытием человеческого духа во всей его многосторонности и глубине» [3. С. 3].

Кроме того, философское образование спасало Грановского от чрезмерного увлечения какой-то одной из философских доктрин, «от односторонности», и соощало его взглядам критичность и самостоятельность в суждениях о событиях интеллектуальной и общественной жизни, «мой скептицизм» – как называл эту черту сам Грановский, который отмечали и его друзья. Герье, солидаризируясь с идеями, высказанными Чичериным, утверждает, что «интерес Грановского к философской стороне своего предмета сохранялся у него до конца жизни и выражался в общих введениях, которые он обычно предпосылал каждому курсу». Ему особенно запомнилась одна лекция (и это была последняя в жизни Грановского лекция, подчеркивает он), «...которая заключала в себе необыкновенно живую прочувствованную характеристику Гердера... Так объяснить значение Гердера могла только родственная ему натура» [8. С. 431].

Однако, подчеркивает Герье, от философии истории как независимой от истории области знания и от ее метода логических умозаключений, сложившихся без учета реальных исторических событий и навязываемых исторической науке, Грановский решительно отказывается. Здесь надо сказать, что, отталкиваясь от факта отказа от философии истории, о чем Грановский заявляет в университетской речи «О современном состоянии и значении всеобщей истории» (1852 г.), историографы видят решительный поворот к позитивизму, а точнее, к необходимости использовать методы естествознания в исторической науке, чтобы придти к таким же точным результатам. Однако Герье так не считал. Он, констатируя эволюцию во взглядах историка, анализирует тексты Грановского, выявляет «философскую подоплеку» в его работах и приходит к выводу, что Грановский, оставаясь, по мысли Чичерина,

«истинным историком, соединившим философское образование с обширной ученостью», демонстрирует свою философию истории, которая «утрачивает... отвлеченный метафизический характер», приданный ей Гегелем, «и вступает в область этики, становится могущественным и влиятельным ее органом» [11. С. 66]. В чем суть этой философски и исторически обоснованной этики становится ясно из дальнейших рассуждений Герье. Грановский отказывается от того мнения, которого он прежде держался под влиянием Гегеля, что история никогда и никому не приносит практической пользы, что ни один народ не воспользовался ее уроками: «Я сам говорил то же... А между тем всякий день современной истории доказывает могущество и влияние уроков истории. В этом теперь мое твердое убеждение» [Там же]. История раскрывает деятельность человеческого духа и дает нравственную силу, чего не могут сделать науки естественные, и это делает ее великой наукой, а историк обязан быть глашатаям тех нравственных законов и уроков, которые открывает история.

Эта мысль, по убеждению Герье, «становится, так сказать, осью, около которой вращаются все мысли нашего историка, – директивой, которую он дает своим слушателям». Сказать, чтобы философия истории, развиваемая Грановским, этим самым вступала на совершенно новый путь, нельзя. Уже до Гегеля, у Гердера, она шла по этому пути. Уже Гердер выставлял как цель истории человечества достижение им полной человечности (Humanität). Грановский сам сделался миссионером этой этики. Она проявлялась у него иногда в поучениях, но чаще всего в эмоциональных выступлениях, в его умении воздействовать на своих юных слушателей не только словом, но и своим примером. Онтологическим основанием этики Грановского выступает его религиозность, которая исследователями либо игнорируется, либо ей не придают должного внимания. Для Чичерина же и для Герье этот факт очень важен, так как, опираясь на него, они решительно отстаивают идеализм Грановского и неприятие им материализма.

По мнению Чичерина, Грановскому были свойственны «те глубочайшие стремления, которые связывают его с верховным источником всякой жизни и всякого блага» [3. С. 6]. Именно это обстоятельство, как представляется, и сообщало ту «глубину и возвышенность», «гуманность» историческому миросозерцанию Грановского, о которых пишут его современники. Этих качеств не могут понять люди 90-х гг. XIX в., они, в лице Ветринского в данном случае, считают их «неопределенными», «расплывчатыми», «романтическими», хотя и желают понять свой предмет исследования, относятся к нему с любовью и сочувствием. Тем не менее именно обладание этими качествами «и делало его способным быть историком, для которого первое условие состоит в сочувственном понимании всех сторон человеческого духа, и в особенности тех, которые играют такую выдающуюся роль, как религия» [3. С. 10]. Оба историка солидарны в том, что, вопреки мнению Ветринского, религиозность Грановского не была ни проявлением его пассивности, ни результатом внешнего внушения.

Герье аргументирует эти рассуждения следующими соображениями, приводя примеры из жизни Грановского, из его общения с друзьями и близкими людьми.

«Человек, который так глубоко верил в разумность мироздания и в силу духа, – пишет он, – не мог отрицать его там, где вера в него всего важнее для человека, в индивидуальном бытии» [8. С. 437]. Именно спор о бессмертии души и непризнании его Герценом послужил толчком к окончанию его дружбы с Грановским. «Грановский заявил, что лично бессмертие ему необходимо и просил никогда не говорить с ним об этом. Они поняли это как начало разрыва». Комментируя этот широко известный историографам факт, Герье считает, что он имеет гораздо большее значение для русской жизни, чем просто окончание «одной дружбы», а знаменует «...собой новый раскол в русском обществе, раскол более глубокий, чем распря между “славянофилами” и “западниками”». Мы присутствуем при возникновении новых течений русской жизни в сторону идеализма, который олицетворял собой Грановский, и материализма, которому отдался Герцен...» [11. С. 50].

Кроме внутренней потребности, вера в бессмертие поддерживалась у Грановского, по словам Герье, примером людей, которых он особенно уважал. «Для меня, – говорил Грановский своему будущему биографу, – относительно подобных вопросов важны мнения замечательных людей. Для меня это отдельные огоньки, из которых в будущем загорятся новые верования для человечества. Я знаю, в настоящее время человечество будто успокоилось на счет подобных вопросов, но ведь это ничего не значит: оно успокаивалось уже не раз» [Там же. С. 42]. Религиозность Грановского выражалась, наконец, и в том, что ему было не по душе всякое резкое отрицание или глумление над религиозными убеждениями других. Грановский проявляет это чувство в своих университетских курсах и распространяет его даже на отрицателей языческой религии.

Рассуждения Герье и факты, приводимые им, важные для характеристики личности Грановского сами по себе, надо учитывать, исходя из той роли, которую Герье отводил и философии, и религии в выработке исторического метода, находящегося, по его мнению, в тесной взаимосвязи с мировоззрением ученого. Взгляды В.И. Герье на значение философии и религии для историка, органически встроенные в его понимание природы исторической науки, ее специфики и значения личности исследователя в процессе исторического исследования, в частности, в ходе таких процедур, как понимание источника, интерпретация его, связаны с его убеждением в том, что истина в исторической науке имеет нравственные основания и она может быть доступна только ученому, обладающему мировоззрением, проникнутым духом вневременных *нравственных ценностей*. Изучение философии и религии Герье считал самым надежным способом овладения этими ценностями [12. С. 293–298]. Личная же религиозность, по его мнению, являясь основанием нравственности, не может быть помехой в высказывании новых идей, совершении открытий и в то же время способна удерживать исследователей от крайних выводов, могущих вытекать из их открытий; это может быть своеобразный религиозный такт, как, например, у Декарта, или трезвая практическая религиозность Ньютона. Поэтому и религиозность Грановского, выступая у него проявлением именно идеализма, не умаляла его достоинств как ученого.

Отношение Грановского к естественным наукам и понимание их роли в развитии науки исторической также вызывают противоречивые оценки исследователей, о чем шла речь выше. Они основываются на известной университетской речи Грановского «О современном состоянии и значении всеобщей истории» (1852 г.). По мнению же Чичерина, Грановский относился и к естественным наукам с точки зрения историка. Цenia их достижения, он видел в них прежде всего вспомогательное средство для истории. «И действительно, – пишет Чичерин, – изумительные успехи естествознания в новейшее время ровно ничего не дали для истории, что и неудивительно, так как к истории неприменимы ни математика, ни опытные изыскания. Самые методы и способы исследования тут совершенно иные... область ее совершенно другая» [3. С. 6, 7], ибо история есть царство духа, который носит в себе неведомые материалистически-механическому мирозерцанию мерил и цели. Чрезмерное же увлечение естественными науками может повредить историку, так как ведет к «материалистическому реализму», на почве которого «нет ни понимания истории, ни нравственных начал, ни даже признания человеческой свободы, которая отрицается во имя всеобщего детерминизма». Для Грановского же «...свобода воли была неотъемлемой и неискоренимой принадлежностью человеческой души, а свобода воли составляет источник всякой свободы, на ней основываются все истинно человеческие отношения: внутренняя свобода составляет условие всякой нравственности» [Там же. С. 8–12]. Грановский видел в свободе первое и необходимое условие всякого разумного общежития, и всякой науки, и всякого просвещения. Без ее признания, добавлял Чичерин, нет причины, «почему бы с человеком не позволено было обращаться, как с вьючным скотом». Следовательно, Грановский не мог допустить подчинения истории чисто механическим процессам, этому препятствовали его идеализм, человечность и либерализм.

Герье, рассматривая вопрос об отношении Грановского к естественным наукам и понимании историком их роли в развитии исторической науки, обращает внимание на то, что, говоря о необходимости для исторической науки выхода на обширное поприще естественных наук, Грановский, «...как будто для того, чтобы предостеречь свою аудиторию от неверного толкования этих слов, т.е. от смешения истории с естественными науками, в этой же речи упрекает Монтескье за то, что он доводил мысль о влиянии географических условий, климата... на судьбу народов до такой крайности, что принес ей в жертву самостоятельную деятельность духа» [11. С. 61]. «В этом все дело!», – торжествующе восклицает Герье. Грановский не отказывается от признания в истории «самостоятельной деятельности духа» и в этой связи формулирует свой взгляд на историю в следующих словах: «У истории две стороны: в одной является нам свободное творчество духа человеческого, в другой – независимые от него, данные природою условия его деятельности». С этой точки зрения он требовал для истории нового метода, который «должен возникнуть из внимательного изучения фактов мира духовного и природы в их взаимодействии» [Там же; 13. С. 26]. Надо отметить, что задача, которую поставил перед истори-

ками Грановский в 1852 г., решением которой занималось не одно поколение ученых, не утратила своей актуальности и в настоящее время.

Продолжая рассуждения Чичерина о свободе и либерализме, Герье подчеркивает, что любовь к свободе не затемнила в глазах Грановского значения власти для целей общественной судьбы человека. Герье, который ко времени написания биографии Грановского пережил опыт первой русской революции 1905 г., сопровождающее ее насилие, «самоограничение» русского самодержавия, зарождение политических партий в России и продолжающуюся борьбу партий, но уже за власть, по его убеждению, а не ради идей свободы, считает необходимым обратить внимание на отношение Грановского к монархической идее. Размышляя об этом, Герье опирается на научную работу Грановского «Аббат Сугерий», мысли историка о монархии в его «Записке к учебнику всеобщей истории», письма. Таким образом, им выстраивается позиция Грановского в понимании исторической роли монархии как результат серьезной работы, которую он проводил и в своей преподавательской деятельности, и высказывал ее в общении с учениками, а не как на некий дипломатический реверанс в сторону власти.

Вот на что обращает внимание Герье в первую очередь. В то самое время, когда во Франции происходила попытка заменить вековую монархию республикой, Грановский изучал по древней хронике монастыря св. Дионисия, как аббат этого монастыря, Сугерий, положил начало французской монархии и ее торжеству над феодальной анархией. Этот труд, очевидно, имел влияние на русского историка, потому что спустя несколько лет при составлении программы учебника по всеобщей истории Грановский указывает на то, что монархическая форма правления в историческом развитии оценена и объяснена неудовлетворительно. Причем в этом отношении грешат как писатели либеральной школы, так и составители учебников, враждебных либерализму. В большей их части, продолжает историк, не видно живого и глубокого понимания монархического начала... Монархическое начало лежит в основании всех великих явлений русской истории; а между тем, оно есть корень, из которого выросла наша государственная жизнь, наше политическое значение в Европе, и дело науки и преподавания показать, что русское самодержавие много отличается от тех форм, в которые монархическая идея облекалась в других странах. При этом подчеркивается и своеобразие проявления монархического начала в истории России: «Между тем как развитие западных народов совершалось во многих отношениях не только независимо от монархического начала, но даже наперекор ему, у нас самодержавие наложило свою печать на все важные явления русской жизни...» [13. С. 591]. Такое признание великой исторической роли монархии в России со стороны Грановского и глубоко верная характеристика ее должны, как считает Герье, служить ключом к важному вопросу об отношении Грановского к увлечению современной ему демократической пропагандой.

Герье акцентирует внимание на идеях Грановского, высказанных им еще до революции 1848 г., в 1847 г., в полемической статье против романтического культа массы со стороны славянофилов. Тогда Грановский писал: «Массы, как природа, бессмысленно жестоки или

бессмысленно добродушны. Они коснеют под тяжестью исторических и естественных определений, от которых освобождается мыслью только отдельная личность. В этом *разложении масс мыслью* заключается процесс истории» [13. С. 445]. *Задача истории* – нравственная, просвещенная, независимая от роковых определений *личность* и сообразное требованиям такой личности общество.

Историк не оставляет без внимания и вопрос о научном значении работ Грановского. Речь идет о его докторской диссертации «Аббат Сугерий»: «В ней из груды фактов добывается творческая политическая мысль, обессмертившая Сугерия, – государственное единство под управлением монарха вместо феодальной анархии» [11. С. 22–24]. Следующая важная мысль, которую обосновывает Грановский в своем исследовании, заключается, по мнению Герье, в том что «королевская власть выступает как высшая общественная власть, призванная поддерживать в пользу всех и против всех справедливость и порядок», и дальше изображает эволюцию монархического, государственного начала в союзе с национальным. «Таким образом, у читателя воочию вырастает при Лудовике VI Капетингская монархия и с нею и в ней образуется французская национальность. Это, – заключает Герье, – в противовес недоброжелательным и недобросовестным критикам труда Грановского, – учное исследование, которое не только важный вклад в современную ему науку, но надолго сохранит свое классическое значение» [Там же]. Следует добавить, что у этого первого в отечественной медиевистике сочинения заметна и основательная источниковедческая база сочинения, серьезная критика источников, историографические работы, с авторами которых Грановский спорит, усматривая в качестве недостатков слабое использование ими источников и необоснованность выводов. Это современные Грановскому французские ученые Тьерри, Гизо, историки XVII в. Так что трудно не согласиться с выводом биографа Грановского, не нарушая принципов историзма, об образцовости и значительности этого сочинения.

На основании анализа работ В.И. Герье и Б.Н. Чичерина, посвященных творчеству Т.Н. Грановского,

можно говорить об одной из первых реконструкций гносеологической и философско-исторической концепции Грановского, основой которой является историзм. Как явление он присущ, прежде всего, немецкой исторической мысли конца XVIII в. и составляет содержание одной из величайших, по словам Ф. Мейнеке, духовных революций, пережитых европейской мыслью. Этой интеллектуальной революцией оказались захвачены и российские историки XIX в., заграничные командиры которых создавали возможность индивидуального вхождения в интеллектуальное пространство Западной Европы, усвоения новейших достижений западноевропейской науки в области истории, в результате чего происходило изменение их собственных мыслей. Характерной чертой этого образа мыслей была твердая уверенность в том, что исторический процесс представляет собой закономерную, обусловленную развитием национального самосознания преемственность различных стадий в жизни народов, выражающуюся в постепенном совершенствовании их общественно-политических институтов. «Закономерность» понималась ими и как индивидуальная обусловленность исторических событий предыдущими и, в философско-историческом смысле, как наличие в развитии человечества определенной направленности (идея исторического прогресса как нравственного совершенствования человечества, идея, за приверженность которой мировоззрение данного направления в европейской историографии позже получило название «идеалистический историзм»). Подчеркнем, что при этом речь совсем не шла о «законах», неумолимо детерминирующих ход истории любого народа, о которых в 1860–1870-е гг. заговорили сторонники позитивизма, а затем в 1880–1890-е гг. – марксизма. Задачи исторической науки виделись представителями идеалистического историзма в реконструкции истории народов как закономерной эволюции исторических индивидуальностей и раскрытии связей национальных историй с общим процессом нравственного совершенствования человечества. Подобные мысли и идеи отчетливо выражены в историческом мировоззрении Грановского, что и было эксплицировано его учениками.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Свешников А.В.* Миф о Грановском. Попытка дискурсивного анализа // Тимофей Николаевич Грановский. Идея всеобщей истории. Статьи. Тексты / под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2006. С. 69–81.
2. *Лаптева Л.П.* В.И. Герье и его оценка современных университетов Германии // Диалог со временем. 2013. Вып. 43. С. 47–60.
3. *Чичерин Б.Н.* Несколько слов о философско-исторических воззрениях Грановского // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 36. С. 1–13.
4. *Виттер Р.* Общественно-исторические взгляды Грановского // Мир божий. 1905. Ноябрь. С. 186–187.
5. *Гутнова Е.В., Асиновская С.А.* Грановский как историк // Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986.
6. *Левандовский А.А.* Время Грановского. М., 1990.
7. *Мяжков Г.П.* Всеобщая история Т.Н. Грановского: научные и идейные горизонты // Тимофей Николаевич Грановский. Идея всеобщей истории. Статьи. Тексты / под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2006. С. 29–42.
8. *Герье В.И.* Т.Н. Грановский в биографическом очерке А. Станкевича // Вестник Европы. 1869. № 5. С. 424–440.
9. *Иванова Т.Н., Мяжков Г.П.* Школа В.И. Герье: Основные черты и место в научном пространстве России // Диалог со временем. 2013. Вып. 44. С. 165–185.
10. *Соловьев С.М.* Мои записки для детей моих, если можно и для других // С.М. Соловьев. Избранные труды. Записки. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 440 с.
11. *Герье В.И.* Т.Н. Грановский: В память 100-летнего юбилея его рождения. М., 1914. 74 с.
12. *Кирсанова Е.С.* Проблема сущности религии и философии и их значение для историка в осмыслении В.И. Герье // История идей и воспитание историей. Владимир Иванович Герье / под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 287–298.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 января 2014 г.

THE IMAGE OF T.N. GRANOVSKY IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE SECOND PART OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 121-126. DOI: 10.17223/15617793/387/18

Kirsanova Ekaterina S. Seversk Technological Institute of the National Research Nuclear University "MEPhI" (Seversk, Russian Federation). E-mail: zavkir@mail.ru

Keywords: philosophy; history; science; idealism; religion; ethics; historicism.

In spite of the significant number of publications devoted to the study of creativity of T.N. Granovsky, B.N. Chicherin's thought that "even the most sincere desire to give him necessary justice, much in him remains incomprehensible..." still remains relevant after more than a hundred years since it was expressed. This incomprehensibility observed already in the 19th century resulted in conflicting assessments of the scientific contribution of Granovsky as well as in the assessment of his theoretical and historical views. However, it should be noted that already in the second half of the 19th and early 20th centuries attempts were made to analyze Granovsky's creativity, in which his idealism and his interest to the life of the spirit in the history of peoples and individuals was examined not as something that must necessarily be subdued and is subdued in the course of the progressive evolution of views of the historian on the materialistic ideology, but as a self-conscious position which was the essence of his world outlook. This analysis is part of the works of well-known representatives of Russian historiography, the methodological basis of which was idealistic historicism. This concerns V.I. Gerie and B.N. Chicherin who saw T.H. Granovsky their teacher and mentor. The analysis of these works allows speaking about one of the first reconstructions of the philosophical-historical and gnoseological conception of Granovsky, the basis of which is idealistic historicism. As a phenomenon it is inherent first of all to the German historical thought from the end of the 18th century and is the content of one of the greatest, according to F. Meinecke, spiritual revolutions the European thought experienced. Russian historians of the 19th century were caught by this intellectual revolution, their trips abroad created an opportunity for individual occurrences in the intellectual space of Western Europe, for mastering the latest achievements of Western European science in the field of history. Its traces are clearly expressed in the historical outlook of Granovsky, which was explicated by his followers.

REFERENCES

1. Sveshnikov A.V. *Mif o Granovskom. Popytka diskursivnogo analiza* [The myth of Granovsky. An attempt of discourse analysis]. In: Repina L.P. (ed.) *Timofey Nikolaevich Granovskiy. Ideya vseobshchey istorii. Stat'i. Teksty* [Timofey Nikolayevich Granovsky. The idea of universal history. Articles. Texts]. Moscow: IVI RAN Publ., 2006, pp. 69-81.
2. Lapteva L.P. V.I. Ger'e i ego otsenka sovremennykh universitetov Germanii [Guerrier and his evaluation of modern German universities]. *Dialog so vremenem – Dialogue with the time*, 2013, no. 43, pp. 47-60.
3. Chicherin B.N. Neskol'ko slov o filosofsko-istoricheskikh vozzreniyakh Granovskogo [A few words about the philosophical and historical views of Granovsky]. *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1897. Book 36, pp. 1-13.
4. Vipper R. Obshchestvenno-istoricheskie vzglyady Granovskogo [Socio-historical views of Granovsky]. *Mir bozhii*, 1905, November, pp. 186-187.
5. Gutnova E.V., Asinovskaya S.A. *Granovskiy kak istorik* [Granovsky as a historian]. In: Granovskiy T.N. *Lektsii po istorii srednevekov'ya* [Lectures on the History of the Middle Ages]. Moscow, 1986.
6. Levandovskiy A.A. *Vremya Granovskogo* [The time of Granovsky]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1990. 302 p.
7. Myagkov G.P. *Vseobshchaya istoriya T.N. Granovskogo: nauchnye i ideynye gorizonty* [Universal history of T.N. Granovsky: scientific and ideological horizons]. In: Repina L.P. (ed.) *Timofey Nikolaevich Granovskiy. Ideya vseobshchey istorii. Stat'i. Teksty* [Timofey Nikolayevich Granovsky. The idea of universal history. Articles. Texts]. Moscow: IVI RAN Publ., 2006, pp. 29-42.
8. Guerrier V.I. T.N. Granovskiy v biograficheskom ocherke A. Stankevicha [Granovsky in a biographical sketch by A. Stankevich]. *Vestnik Evropy*, 1869, no. 5, pp. 424-440.
9. Ivanova T.N., Myagkov G.P. The school of Vladimir I. Guerrier: its main characteristics and its place within Russian academic space. *Dialog so vremenem – Dialogue with the time*, 2013, no. 44, pp. 165-185. (In Russian).
10. Soloviev S.M. *Izbrannye trudy. Zapiski* [Selected works. Notes]. Moscow: Moscow State University Publ., 1983. 440 p.
11. Guerrier V.I. *T.N. Granovskiy: V pamyat' 100-letnego yubileya ego rozhdeniya* [T.N. Granovsky: In commemoration of the 100th anniversary of his birth]. Moscow, 1914. 74 p.
12. Kirsanova E.S. *Problema sushchnosti religii i filosofii i ikh znachenie dlya istorika v osmyslenii V.I. Ger'e* [The essence of religion and philosophy, and their value to the historian in understanding of V.I. Guerrier]. In: Repina L.P. (ed.) *Istoriya idey i vospitanie istoriev. Vladimir Ivanovich Ger'e* [The history of ideas and education. Vladimir Ivanovich Guerrier]. Moscow: IVI RAN Publ., 2008, pp. 287-298.

Received: 15 January 2014